

Николай КУТЕНКИХ

КОГДА чуть более десяти лет назад, осенью 2007-го, одной из районных библиотек Приморья, Черниговской, было присвоено имя Виктора Слипиченчука, это стало уникальным событием. Тогда еще не было в стране такой практики – называть книжные храмы именами ныне здравствующих, продолжающих творить и публиковаться писателей. А почему ж в Черниговке назвали? Да потому что свой, родной, на местных просторах выросший...

С тех пор немало воды утекло. К нынешнему дню слава члена Союза писателей России, поэта, прозаика, драматурга и публициста Виктора Слипиченчука шагнула далеко за пределы нашей страны. Его книги получили международное признание, они переведены и изданы во Франции, Сербии, Украине, Китае, Японии, Вьетнаме, Монголии.

Виктор Слипиченчук родился в селе Черниговка в 1941-м, через три месяца после начала войны. Как уверяет, к пятому классу перечитал всю местную библиотеку – тогда-то и родилась его мечта стать писателем. И он ее осуществил! Но сначала прошел непростой путь: отслужил в армии, получил два высших образования, работал геологом, зоотехником, матросом, рыболовом, строителем, журналистом, трудился и простым работягой, и руководителем. И, как было положено в те времена, вступил в партию.

Сейчас Виктор Трифонович живет в Москве, но связей с малой родиной не прерывает. Вот и на просьбу дать интервью «В» откликнулся охотно. Только не удивляйтесь, дорогие читатели, что его ответы на наши вопросы звучат как художественное повествование. Он же писатель!

Был шестым ребенком – стал седьмым

– Виктор Трифонович, что осталось в воспоминаниях о детстве и юности в Черниговке?

– Самое давнее воспоминание из детства связано с появлением в семье моей сестры. Хорошо помню: сижу под столом за баррикадой из стульев, на баррикаде солдатское одеяло. Я располагаюсь на вытертом до проплешин кожухе. Мой неприятель – это холодный воздух, который белым облаком вваливается в избу, когда кто-нибудь снаружи открывает дверь. Слышу, кто-то на крыльце оббивает валенки. Скрип половиц в сенях – затаиваюсь. Сейчас открывается входная дверь, и морозный воздух, клубясь, обрушится на баррикаду и, отпрянув, как табун лошадей, начнет обтекать мое укрепление с обеих сторон.

Дверь открылась и долго не закрывалась. Я прилег. Табун живой волной накрыл мое укрепление. Что-то не так! Я выскочил из-под стола и обомлел. Из кухни выбежала мама. Отец опустил на пол завернутое в платки и овчину живое существо. Мама присела и, разболакивая существо, что-то ласково повторяла, как бы причитая. Я стоял, но меня не было. Если бы меня кто-нибудь толкнул – я бы разлетелся, как стекляшки в калейдоскопе. Видел только глаза, испуганные и неподвижные, словно бы очкоченевшие.

Наконец мамино причитание «Доча, доча, былиночка!» стал различать, как дунновение мамино тепла. И когда овчина и узлы платков упали на пол, я увидел действительно тоненькую былиночку. Наголо остриженная и босая, одетая в короткую мешковину с выплескивающимися на плечи иероглифами, былиночка походила на мальчика, а мальчик – на длинноногую цаплю.

– Вот, – сказал отец, глядя на нас сверху. – Это Лара, Лариса.

Мама опять причитала, и отец, как бы давая нам запомнить имя, повторил:

– Лара, Лариса. Теперь, Лара, у тебя есть мама. Ты, Лара, дома. Ты здесь будешь жить, а на следующий год пойдешь в школу.

Отец замолчал, а я продолжал стоять как вкопанный.

– А это Виктор Трифонович, твой младший брат Витя, – сказал отец, и запас слов у него истощился.

С моим именем по лицу Лары промель-

кнуло внезапное удивление – глядя на меня, она не верила своим глазам. Я чувствовал, что отец неслучайно так необычно представил меня: что-то очень важное надо было сделать.

Мама сгрела овчину и узелки платков и, открыв дверь, выбросила их в сени. Морозный воздух обдал меня с ног до головы. Я подошел к Ларе и, взяв за руку, твердо сказал: пойдём. И напрямик, не сгибаясь, пошел под стол. Сестре пришлось пригнуться. По ногам родителей мы увидели, что они пошли на кухню, оставив нас самим себе.

– Лара, тебе очень повезло, что я твой брат. Смотри, – я вытащил из-под кожуха темно-зеленый холщовый мешочек, – это американские галеты. Я давно думал, кому бы их подарить. Бери! Они твои, потому что я – твой брат.

Больше ничего не помню. И, наверное, позабыл бы об этом факте. Но много лет спустя Лариса Трифоновна напомнила мне о нем. И мы даже прослезились: какие мы были дураки!

До появления Лары я считался у мамы самым младшим, шестым ребенком. А с ее появлением стал седьмым.

Скрытый пальчик Квантунской рукавицы

– Приходилось ли вам общаться с летчиками Черниговского гарнизона, волевыми в 50-х в небе Северной Кореи?

– Общение с летчиками, участвовавшими в корейской войне, у меня и моих сверстников было односторонним в силу нашего возраста. Мы смотрели на летчиков, как на героев. А они, сами недавние школьники, смотрели на нас, как на пацанов со своей улицы. Фрагменты общения с летчиками черниговского аэродрома, рядом с которым я родился и вырос, можно найти в небольшой повести «Смеющийся пупсик», изданной и у нас, и за рубежом. К слову, в прошлом году на творческом вечере в Центральном доме литераторов в Москве ко мне подходил посол Японии в России Тохиса Кодзуки, сказал, что читал эту повесть на японском и она ему понравилась...

Мне представляется, что лучше будет, если я расскажу читателям «В» о факте начала войны с Японией. Тем более что письменно никогда его не излагал, хотя устно доводилось, но об этом позже.

Тогда я входил в детсад колхоза имени РВС (Реввоенсовет), в среднюю группу. Детсад располагался возле шоссе. Где-то в полдень со стороны рисозавода раздавался гудок. Поначалу мы не обратили внимания. Но гудок усилился и гудел, гудел. Наконец он овладел нашим воображением, и мы побежали к забору, чтобы посмотреть на рисозавод: почему гудок такой нескончаемый?

Мы залезли на забор, но даже не посмотрели в сторону завода. Потому что по шоссе со стороны Черниговки в сторону станции Мучной шли моряки. В бескозырках с якорями на лентах, в темных нараспашку фланельках, опоясанные ремнями с бляхами, они выходили из-за поворота и шли, и шли... и возле нас как бы сливались с гудком, потому что их строй тоже был нескончаемым. Мне запомнились бросающиеся в глаза тельняшки, красные звезды на бескозырках, автоматы на груди и чуть сбоку от бляхи длинные кинжалы в металлических ножнах. И еще серьезность, с которой моряки взглядывали на нас, облепивших забор.

Внезапно появилась наша воспитательница Мария Васильевна и строго приказала немедленно собраться в самой главной комнате. Мы собрались. За столом сидел военный. В солдатской гимнастерке, без погон. С орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». Мы его не сразу узнали – Некрасов, контуженый. Он иногда привозил в сад фляги с молоком, и мы его очень боялись, потому что, разговаривая, он вдруг зло морщился: нос и губы стягивались в жуткую гримасу, обнажая передние зубы до десен. В такой момент он был похож на оскалившийся череп. Гримаса через какое-то время повторялась, но всегда казалась неожиданной и страшной.

Надо же, член КПСС – и мукомол...

На столе перед ним лежала пара больших меховых рукавиц. Обтянутые зеленым сукном, они не привлекали внимания. Некрасов спросил:

– Слышали гудок рисозавода?

– Да-а! – хором ответили мы.

– Видели военных моряков?

– Да-а!

– Сегодня началась война с Японией! – негромко, но с силой сообщил он. – Моряки пошли на войну. Будут драться с японской Квантунской армией, это здесь рядом, за озером Ханка, – Некрасов неожиданно и страшно сморщился, стало совсем тихо. – Вот рукавицы, каждый пусть наденет и хорошо посмотрит на них.

Мария Васильевна взяла рукавицы и, отдав нам, следила, чтобы никто не баловался.

– Пусть балуются, – разрешил Некрасов и подсказал, что под большим пальцем есть круглая дырочка, из нее, если помочь изнутри, можно вытянуть еще один маленький матерчатый пальчик – этакого скрытого зайчишку.

Многие засмеялись, но не все.

Рукавица была как меховое дупло. А скрытый зайчишка, когда я надавил на него изнутри, высунулся из дырочки, словно птичка. «Чижик-пыжик, где ты был?» – невольно вырвалось у меня, и все сразу отозвались, потому что эту песенку мы часто пели в саду. Нами овладело веселье. Мы стали баловаться и на какое-то время позабыли обо всем.

– Все посмотрели? – спросила Мария Васильевна и, забрав рукавицы, положила обратно на стол.

– Это необычные рукавицы. Это рукавицы солдата японской Квантунской армии, – сказал Некрасов и, надев рукавицу, подергал матерчатый пальчиком. – А этот «чижик-пыжик» для того так хитро пришит, чтобы японец и в лютый мороз мог, не обморозивая рук, надавливать и надавливать на курок...

Он неожиданно сморщился. А когда приступ прошел, повторил:

– Надавливать и надавливать! Чтобы убивать и убивать нас!

Он снял страшную рукавицу и, оторвав матерчатый пальчик, потер им свой орден и медаль «За отвагу». В комнате стало до того тихо, что мы вновь услышали нескончаемый гудок рисозавода: война! Война с Японией.

В 2008 году или чуть позже в Москве к нам в квартиру нагрянули корреспонденты японской телекомпании NHK, два парня и девушка. Они вели съемки в финансовой компании «Метрополь», и их интересовал мой сын Михаил, основавший эту компанию. Заглянули и к нам, родителям. Галина Михайловна, жена моя, на скорую руку приготовила стол, и я, как водится в таких случаях, водрузил на него бутылку водки. В общем, разговор получился непринужденным: они спрашивали, мы отвечали.

Мне доводилось встречаться с японцами в советские времена, когда был первым помощником капитана на СБМРТ «Давыдов». У нас есть хорошая поговорка: «У кого что болит, тот о том и говорит». Японцы в этом очень похожи на нас. Чуть начинается неформальная беседа, сразу поворачивают разговор на свою болевую тему – «северные территории». Так получилось и на этот раз.

Старший их группы, почти все время молчавший и только изредка как бы режюмировавший вопросы коллег, вдруг спросил:

– Скажите, вы помните, как началась война между СССР и Японией? Какая была государственная пропаганда?

Виктор Слипиченчук. Писатель...

Ну, я и рассказал о контуженном Некрасове, о рукавицах солдат Квантунской армии с хитро пришитым матерчатым пальчиком, чтобы нажимать и нажимать на курок – и убивать, убивать нас.

Разговор на какое-то время сломался, а потом старший японец сказал, что после такой пропаганды бывшего простого солдата никакая государственная пропаганда не нужна. Но как-то же надо решать вопрос о территориях! Ведь мы соседи...

Насколько мне известно, телерепортажи NHK о компании «Метрополь» журналисты сделали на высоком профессиональном уровне, по содержанию они были, скажем так, добрососедскими. Моего сына стали узнавать на улицах Токио. В 2010-м во Владивостоке, в кулуарах кинофестиваля «Меридианы Тихого», к нему, как к родственнику, подбежала кинокритик Тие Оги. Она узнала Мишу по репортажам NHK, транслировавшим по всей Японии. Думаю, что по пути добрососедства мы только и сможем прийти к какому-то обоюдному согласию...

Коммунист в геенне огненной

– У вас ведь был морской период жизни в Приморье. Расскажите! О рейсах, судах, экипажах, людях. Как тогда платили? И почему ушли на берег?

– Мой первый морской период, не начавшись, прервался. Подав документы в мореходное училище в Находке, я не прошел медкомиссию. Впрочем, я же с детства мечтал стать писателем: и учеба в институте, и работа зоотехником, и армия, и работа в геологических партиях, и опыт рыбака океанического лова и рыболова, и всесоюзная стройка Алтайского коксохима – все это были ступеньки, чтобы стать настоящим писателем. Именно настоящим...

Перед морями я работал на телестудии в Барнауле старшим редактором программ «Земля Алтайская» и «Молодость». А в советские времена старшим редактором мог быть только член КПСС. На телестудии я был принят в партию, и у меня все было относительно хорошо.

Относительно... Я отпрашивался у жены уйти на полгода в моря. Она отпустила, находясь в декретном отпуске. Так получилось, что в ее первый декретный месяц забрали в армию – и родился Миша. Во второй – Наташа. Мы как раз шли на судне «Мария Ульянова» в Ванкувер-Орегонскую банку промышлять хека, и вдруг радиопрограмма: родилась дочь. Обо всем этом написано в повести «За мысом Поворотным».

Потом я попал на БМРТ «50 лет ВЛКСМ». Мой первый рейс на этом судне затянулся на восемь месяцев. За время путины довелось пройти путь от матроса фабрики – фасовщика, выбивальщика и машиниста РМДУ (рыбомучная дробильная установка) – до матроса палубы и руля.

В 2016 году в издательстве «Эксмо» вышла моя книга «Просверк клинка», ее открывает очерк о том, из чего и как складывается жизнь рыбака океанического лова.

У настоящего писателя жизнь должна быть как приключенческая книга

... и рыбак

Фото из архива Виктора СЛИПЕНЧУКА

отпуск первый помощник капитана нашего траулера, он же партсекретарь, меня избрали секретарем партячейки. Я не хотел, на собрании так и сказал: морали читать не умею и нахожусь здесь, чтобы пахать, так что беру полный самоотвод.

Помню, сидим мы за длинным столом в кают-компании, как члены политбюро ЦК (нас, коммунистов, на судне было человек 12-15), а капитан Беляев ходит вдоль стола, как Иосиф Виссарионович, только что трубку не покуривает. И вдруг говорит: а нам такой секретарь парторганизации и нужен, чтобы не мораль читал, а пахал наравне со всеми. Избрали единогласно.

На мою работу матроса добычи (я уже работал на палубе) это никак не повлияло. А на берегу меня вызвали в управу, разобраться с членскими взносами. И вдруг заходит первый секретарь парткома УАМРа Виталий Павлов. Остановился возле нас и спрашивает меня: готов опять идти в моря? Отвечаю: хоть сейчас! А меня как раз обворовали, причем полностью. Весь заработок за путину испарился, не на что даже было в Тару смотаться. Жена родила дочь в Таре, у своей мамы, в завалухе: они были репрессированными кулаками... Мой ответ как-то очень взбодрил первого, говорит, мол, зачем сразу, слетай домой на недельку, а там посмотрим.

Занял денег, слетал и в том же месяце опять ушел в моря – на БМРТ «Надеждинск», уже в должности первого помощника капитана. Моим капитаном был Василий Черкасов.

Замечательный человек и капитан. Настоящий моряк-рыбак. Он очень гордился своей профессией. Говорил, что утверждение «Рыбаки – дважды моряки» принадлежит Сталину. Я научился у него жить морем. Жить так, как живет своим полем крестьянин. Море, стихия и хлебное поле облагораживают человека, учат избегать фальши.

В дневнике «За мысом Поворотным» я немножко рассказываю о Василии Черкасове. Но в целом дневник посвящен команде СБМРТ «Давыдов», на который я попал после «Надеждинска», «Надеждинск», благодаря Черкасову, тогда звенел, был на устах: мы перевыполнили все планы по улову пристипомы (в народе эту рыбу звали пристипомой), а потом и скумбрии (район лова пристипомы – Гавайи, а скумбрии – поближе к Японии со стороны Тихого океана). После путины наш БМРТ встречали с духовым оркестром, таков был обычай – встречать передовиков социалистического соревнования непременно с духовым оркестром.

Без парашюта на бредущем

Потом меня на четыре месяца направили во Владивосток на учебу при крайком КПСС. Я часто летал домой в Барнаул, впервые за два года морей пожил человеческой жизнью. Познакомился с писателем Георгием Халилецким (попал к нему на семинар молодых писателей Дальнего Востока), он был в восторге от моих коротких рассказов, позже дал мне рекомендацию для вступления в члены Союза писателей СССР.

В парткоме УАМРа тоже все было отлично. Подсказали, чтобы справил форму первого помощника капитана. Так что в Находку я вернулся как новенький членоданчик: кокарда блестит, галуны блестят, пуговицы с якорями, упаковка – живи не хочи! Второй секретарь УАМРа, кажется, Седакин посмотрел на меня:

– А ты ведь у нас еще официально не проведен первым помощником капитана. Собирайся, через три дня автобусом поедешь во Владивосток, в крайком партии на утверждение. Быть в форме, отвечать четко, все вопросы и ответы стенографируются.

Нас, таких неувержденных, оказалось человек семь или восемь, плюс столько же парткомовских из УАМРа сопровождали нас вместе с Седакиным: серьезная процедура – утверждение.

Приехали, а там народу из других морских управлений понаехало под завязку. Поставили нас в очередь, и началось. Три минуты проходит – выскакивает из кабинета утвержденных – первый помощник или другой какой-нибудь номенклатурный работник, к нему со всех сторон подбегают сопровождающие, радостно поздравляют, ура! А если кто-то задержался в кабинете более трех минут, это первый и явный признак: не утвердили. К такому не подбегают и даже отворачиваются без всякого сочувствия. И неувержденный уже сам ретируется по лестнице вниз, на выход.

Из нашей группы я зашел на утверждение третьим. Так распорядился Седакин. Захожу просторный зал, за столиками в два ряда сидят писари. Один столик у двери пустой – меня приглашают сесть, сажусь. За главным столом сидит второй секретарь крайкома Гульченко, а рядом, боком к торцу стола, закинув ногу на ногу, сидит контр-адмирал. Они о чем-то переговариваются вполголоса.

Писарь объявил меня – бодро встаю. Гульченко переспросил фамилию. Я ответил и незаметно взглянул на часы, основная мысль была – уложиться в три минуты. Второй секретарь коснулся моей последней путины: где, когда, последнее место работы перед морями. Отвечаю четко, как в армии. Контр-адмирал заинтересовался: о, через Голлолу, Гавайи в Барнаул!

– Служил на флоте? – спрашивает.

– Никак нет, товарищ адмирал, служил в Белоруссии в бронетанковых войсках!

Контр-адмирал поворачивается к писарям: «А я что говорил – служил на флоте!» Писари строчат – записывают, что начальство говорит.

Гульченко усмехнулся, спрашивает: – Доводилось прыгать с парашютом? – Никак нет!

Контр-адмирал тоже усмехнулся: – Мы сейчас своих пехотинцев сеем без парашютов на бредущем! Где семья, где живешь?

– Семья в Барнауле. А я – на БМРТ «Коммунист», на ремонте.

– Почему семью не перевозишь в Находку? – Квартиры нет.

Я мельком взглянул на часы – 10 минут прошло. Контр-адмирал повернулся к писарям: «Запишите: дать квартиру». Гульченко и контр-адмирал вполголоса между собой: «Через год, минимум два можем послать в ВПШ (Высшая партийная школа)». Они беседуют, а часы тикают. Контр-адмирал ласково взглянул на меня, блестящего, как новенький чемоданчик:

– Ну ладно, моряк, иди, ты свободен.

– Слушаюсь, товарищ адмирал!

Выскакиваю из кабинета, а ко мне никто не подбегает. Разом наклонили головы над документами следующего по списку, бывшего второго секретаря какого-то крупного завода подготавливают, сейчас вызовут. Я на лестницу и вниз – ничего не могу понять, утвердили меня или нет?! Как-то вдруг все смешалось. Там, на утверждении, вроде все было хорошо, а здесь, в группе наших уамровских, вроде как не утвержден.

Сел на крыльце и размышляю: в кино, что ли, сходить (крыльцо как раз напротив кинотеатра «Родина»)? Нет, нельзя – в любом случае в Находку надо возвращаться вместе, на уамровском автобусе. Не помню, сколько сидел, кажется, всю свою жизнь перебрал (а мне тогда еще 30 не было).

Вдруг выходят наши уамровцы толпой: а, вот он где! Сидит хоть бы хны! Радостно обступили, поздравляют: в числе трех человек по Дальнему Востоку утвердили тебя резервным первым помощником капитана. Спрашиваю: что такое резервный? Седакин ухмыльнулся, как тот Гульченко: скоро узнаешь. А у нас в парткоме была старая морская Лилия, она весело засмеялась: «В переводе на русский «резервный» – это надежный, надеются на тебя, что не подведешь».

На следующий день вызывают к первому секретарю парткома УАМРа Павлову. А у него в углу кабинета стоял выше его роста сейф. Открывает он его, достает увесистую папку.

– Твои документы: партбилет, гражданский паспорт, личный листок и так далее, включая утверждение резервным, будешь смотреть?

– Не буду. Меня интересует: резервный первый помощник – это кто?

– Это ты, – сказал Виталий Владимирович, улыбаясь и пряча папку обратно в сейф. Пригласил сесть поближе к столу. – Мне сказали, что ваша Лилия (почему-то перешел на «вы») прямо в автобусе вам все доходчиво объяснила.

Кабинет неожиданно наполнился зуммером коммутатора, стоявшего на тумбочке. Павлов не торопясь поднял трубку. В основном он слушал, в конце разговора сказал: «Понятно-понятно» и положил трубку. Он объяснил, что звонил начальник УАМРа Николай Исаакович Котляр (он позднее стал министром рыбного хозяйства СССР). СБМРТ «Давыдов», на который я назначен первым помощником капитана, несколько дней назад вышел из Кейптауна и взял курс на Сингапур.

– У них в экипаже произошли какие-то недопонимания, много всевозможных противоречивых сообщений, и решено послать вас в Кейптаун подменить первого помощника. Там хороший партиец, но уже в годах, а экипаж подменный, разнокалиберный.

Буря пронеслась в моей голове. Слова контр-адмирала «Мы сейчас своих пехотинцев сеем без парашютов на бредущем» приобрили ясный и понятный смысл. Усилим воли подавил радостный восторг!

– Виталий Владимирович, пусть меня только доставят! Мне приходилось в морях и на «50 лет ВЛКСМ», и на «Надеждинске» перебегать с судна на судно по крацам до швартовки с выброской в руках.

– Да знаю я все, как ты на сухогруз перескочил! Благодарю Черкасова, что он твоей эквилибристики не подтвердил. В общем, иди, знакомься с капитаном Геннадием Протерским, они с Черкасовым начинали с юнг, вместе ШМО (Школа морского обучения) заканчивали, – озабоченно помолчал. – Через три дня надо всему экипажу в 96 человек быть в Москве, а оттуда самолетом в Сингапур. Смените подменный экипаж – и в район лова.

В дверях остановил:

– Личный пример не отрицаю, но только как вынужденную необходимость. Да, контр-адмирал звонил Николаю Исааковичу, они друзья. Сказал передать, чтобы ты бросил свое писательство. Нацарапаешь что-нибудь не то – никто не спасет. В краевой газете тебя упомянули как главное литературное открытие. Якобы твои рассказы взяли в журнал «Москва».

Меня слова контр-адмирала заделали за живое. Такой хороший мужик – грубоватый, смахивающий на землешаца при адмиралских погонах. И вдруг...

– У каждого своя жизнь, – буркнул я в расчете, что секретарь парткома не услышит.

Но он услышал и весело согласился:

– Эт... точно! (Как товарищ Сухов говорил – тогда среди рыбаков набирал популярность фильм «Белое солнце пустыни».)

А уход из морей стал целой эпопеей. Не отпускали. Но если кратко: ушел по той же причине, что и с телестудии. Стал опасаться, что станю профессиональным моряком. А я хотел стать профессиональным писателем.

– И напоследок, Виктор Трифонович: упоминаете ли вы Приморье и приморцев в своем творчестве?

– Морские произведения собраны в книге «Просверк клинка». Непосредственно о событиях, происходивших в Черниговке, написано в повести «Смеющийся пупсик», рассказах «День Победы», «День возвращения», «Похоронка». Присутствует Черниговка и в сравнительно недавних рассказах «Крылатый боевой конь», «Волшебство вещей», «Цветные карандаши». Даже в фантастическом романе «Звездный Спас», в его завершающей части, есть упоминание о Черниговке. Многие из этих произведений можно найти в Интернете или на моем сайте.

А всем приморцам (в том числе и себе самому) хочу пожелать крепкого здоровья, личного счастья и благополучия. Семь футов под килем – в добрый путь!

Оркестр для передовиков

Меня, конечно, в парткоме УАМРа сразу после первого рейса заметили. Не могли не заметить, потому что, когда ушел в